

ИРИНА КОЛЕСНИКОВА

БЕЛАЯ ВОРОНА

РАССКАЗ

Маленький грязный городок, каких много на Сахалине. Полуразрушенные, словно после бомбёжки, бесхозные старые здания, редкая дохлая растительность по причине присутствия здесь невозможно вониючего целлюлозно-бумажного завода, чёрный снег под ногами зимой и почти постоянная грязь в остальное время года — вот счастье, которое обрела Соня, как и другие переселенцы с материка, в поисках лучшей доли и большой зарплаты. Узкоколейка и приличная для глухомани шоссейная дорога делили городок пополам и не только соединяли юг и север острова, но являлись единственным шансом, брошенным человеку во спасение от этого ада. Однако многие люди жили здесь долгие годы, некоторые — всю жизнь, постепенно открывая для себя маленькие радости бытия, перераставшие в большую привязанность, даже любовь к этому суровому и загаженному краю.

Соня приехала сюда вместе с сыном в седьмое десятилетие двадцатого века. Высшее образование давало ей шанс иметь приличную работу и благоустроенную квартиру. На это она и рассчитывала, когда рвала корни в прежней жизни на материке.

Заведующая отделом культуры, Калина Васильевна, полная женщина с орлиным взглядом, очень тепло и даже ласково встретила нового работника.

— Верь мне, девочка, я тебе добра желаю! Будешь хорошо работать — и тебе хорошо будет. Только вот коллектив в Доме культуры сложный, директора долго не задерживаются. Потому что все работники лентяи, прогульщики,

КОЛЕСНИКОВА Ирина Валентиновна. Родилась в 1949 году в Йошкар-Оле в семье военного. Закончила Казанский ГИК. Работала режиссёром народного театра, музыкальным работником, воспитателем в детском саду, страховым агентом. Печаталась в журналах “Молодая гвардия”, “Роман-журнал XXI век”, “Литературная учёба”, “Казань”, “Чайка” и др. Живёт в Йошкар-Оле.

весь коллектив занимается приписками. А ты не либеральничай с этими шагреновыми шкурами, я тебе помогу. Единственное, чего я не прощаю, это подлости и предательства за спиной. Поняла?

Резкий скачок в самостоятельность, страх перед начальницей заставляли Соно просыпаться ночью и шептать в темноту каждый раз одну и ту же фразу: “Я сильная, я всё смогу!” — после чего ей становилось легче, и она вновь засыпала до резкого звонка будильника утром.

Нового директора сотрудники попросту не замечали: громко сплетничали, играли в карты, пили шампанское и подолгу болтали по телефону в рабочее время. После недели бессловесной тяжести на душе Соно прорвало. На очередной планёрке с присущей ей прямоотой она сделала замечания каждому сотруднику, запретила использовать рабочее время не по назначению. Кроме того, заставила всех расписаться в новом плане работы, подтверждая ответственность каждого за подготовку и проведение мероприятий. Застоявшийся рабочий воз заскрипел и нехотя сдвинулся с места. Но Соно этого не простили: сотрудники, не стесняясь, гримасничали перед новым директором по поводу и без повода, бросали вслух колкие замечания, постоянно провоцировали на ответные выступления.

— Ах, вы так? — топоричилась в истерике пигалица без специального образования. — Мы-то думали, что вы добренькая, а вы — как та дура, что вами руководит!

— Вы не имеете права поручать мне такие мероприятия, которые я не знаю, как готовить! — с возмущением выдавала белолицая дама, демонстрируя резкий протест своей великолепной фигурой.

Соно не переносила скандалов, она сбежала от них с материка. Терпение и самообладание иссякали, она стала бояться ходить на работу.

— Что, опять тебя эти стервы грызли? — спрашивала Соно начальница, вызывая очередной раз к себе в кабинет. Она всегда была в курсе событий, происходивших в Доме культуры.

— Не позволяй им садиться себе на голову, ставь на место!

— Как? — допытывалась Соно, вглядываясь в лукавые и требовательные глаза Калины Васильевны.

— Думай, ты — директор!

К концу первого месяца работы заведующая отделом культуры во время очередной беседы вдруг обрадовала Соно.

— Ну, теперь тебе будет легче! Из отпуска выходит методист, хорошая женщина. До тебя уже год исполняла обязанности директора. Эти шкуры не дали ей ничего сделать, никакой работы не велось... Нет, она не собиралась оставаться на этой должности, да никто бы её и не оставил: у неё среднее специальное и ребёнок маленький. Помощник тебе обеспечен! — и, выглянув в коридор, позвала: — Заходи!

— Галка, — улыбнулась темноглазая худенькая женщина.

— Может, Галина Ивановна? — поинтересовалась Соно, осторожно дотрагиваясь до острой, протянутой навстречу ей ладони.

— Просто Галка, я так привыкла.

Женщина на самом деле была похожа на птицу: небольшого роста, шустренькая, с растрепанными тёмными пёрышками вместо причёски.

Галка оказалась проста в общении и не перечила новому директору. Но, побывав у Соно дома, неожиданно недружелюбно заметила:

— Ишь, какую квартиру себе отхватила! А меня вместе с маленьким ребёнком запахали в деревянный сарай!

Барак, где они жили, на самом деле, был похож на старый сарай с запахом прелости и плесени. Но Галка даже летом топила печку углем, на её половине всегда было сухо. Накрахмаленные яркие ситцевые занавесочки на окнах и ещё, точно такого же цвета, протянутые от стены к стене, разделяли комнату на две части, празднично расцветивали гнездышко и напоминали театральный занавес.

Самой большой достопримечательностью Галки была её дочка, Маргаритка. Походила девочка на очень маленькую птичку, щупленькую, круглолицую, с ясными-преясными глазками. Была она на редкость спокойным,

жизнерадостным, самостоятельным ребёнком. Вечерами за ней приглядывала соседка, а днём она часами гуляла во дворе между Домом культуры и барачком, где они жили. Маргаритка долго рассматривала и складывала в чистые кармашки всё, что заслуживало её внимания. Потом, с трудом забираясь по высокому деревянным ступеням старой лестницы, появлялась в кабинете с каким-нибудь новым открытием, поражающим необычностью и образностью.

— Мама, там воробушек крыльшками “кар-кар”!

— Это не воробушек, доченька, а ворона. Только ворона может кричать “кар-кар”.

— Нет, воробушек! — настаивала Маргаритка.

— Наверное, сердитый воробушек! Или вороной хочет стать! — подсказывали сотрудники со всех сторон. Все смеялись и тискали девочку по очереди.

Соня заметила, что Галка, как и весь коллектив, принимает её начинания настороженно, но пытается сгладить отношения сторон. Как только директор выходила за дверь кабинета, старший методист заговорщицки всем подмигивала и беззлобно шутила:

— Новая метла по-новому метёт! Ничего, со временем успокоится!

Соня не обижалась. Такую роскошь она не могла себе позволить. Ей легче было доверять человеку, от помощи которого многое зависело. Поэтому каждый раз она искала оправдание Галкиным шуткам и находила их. Прежде чем поддержать очередной Сонин замысел, Галка смешно скашивала глаза в сторону методистов и выжидала. Когда пауза затягивалась, и на лице директора возникало недоумение, она вдруг неожиданно вскрикивала:

— Ух, молодец, что задумала! — и добавляла, посмеиваясь: — Теперь будем работать. Правда, девчата?

Девчата кривились, нехотя соглашались, часто подводили, отыскивая несущественные причины и непредвиденные обстоятельства.

— Галка, я на тебя надеюсь, не подведи, пожалуйста! — просила Соня, когда они оставались одни.

— Чего там, всё понятно! Я человек зависимый, как и ты. Не подведу!

В промежутках между крупными клубными мероприятиями они вдвоём ездили по району, бывали в его самых отдалённых населённых пунктах. Остров везде казался малообжитым, и непонятно, как совершенно дикая природа его мирилась с ветхостью и загаженностью вокруг временных человеческих поселений. В маленьких натопленных клубных домиках Соня проводила беседы и читала стихи, Галка играла на домбре. Народу на такие посиделки собиралось немного, но разного: молодые пары с огрубевшими лицами и руками, мужики с откровенными взглядами, кое-кто из женщин и детей. Принимали хорошо. Добирались туда и обратно на поездах, пешком и на перекладных, автоклуб давали только на весь коллектив. Приезжали домой часто за полночь — усталые, но довольные собой и друг другом. Всю работу учитывали честно, приписок не было.

— Почему наша начальница этих свиристелок не увольняет, ведь ты уже не одну докладную на них настрочила? — иногда в сердцах спрашивала Галка. — Толку от них — никакого!

Соня беспомощно пожимала плечами и задавала тот же вопрос Калине Васильевне.

— Уволить легче всего, — отводила глаза в сторону заведующая, — а с кем работать будешь? Ты — директор, ты должна их воспитывать!

— Как? — опять спрашивала Соня.

— Думай! Я тебе мешать не буду.

Развязка приблизилась неожиданно: в один из однообразных рабочих дней здоровый, словно глыба, молодой моряк внезапно распахнул дверь кабинета Дома культуры с такой силой, что её заклинило на крайней половице. Скрестив на груди огромные волосатые руки с закатанными до локтя рукавами тельняшки, ожидающе застрял в дверном проёме. Галка ойкнула то ли от испуга, то ли от неожиданности и, раскрывив руки, подлетела к моряку. Подпрыгнула, цепко обхватила ногами его бёдра и повисла на шее. Сотрудники, заметив Сонину реакцию, довольно хмыкнули и склонились к своим

столам. Натиславшись, парочка, наконец, вспомнила, где находится. Галка соскочила на пол, поправила платье.

— Это Витёк, муж мой! — радостно сообщила она обалдевшей Соне. — Вы уж извините, если что не так! — и, отпросившись на оставшуюся половину дня с работы, под хохот сотрудников громко выкрикнула с порога: — Любить так любить!

На следующий день Галка не вышла на работу.

— Это ещё цветочки, — ехидничали сотрудники, наблюдая за растерянностью директора, — погодите, она вам скоро и не такое устроит! Вы просто её не знаете!

— Поссорить хотите? — вспыхнула Соня и побежала к Галке домой. Комната была в табачном дыму. Возле тахты, на которой развалился моряк во всю громадность своей фигуры, стояли бутылки со спиртным, валялись деньги, начатые пачки сигарет “Мальборо”, спички и пепел. Маргаритка тихо играла под столом со своими куклами. Галка очищала тарелки от вчерашней еды, перекладывая съедобные куски в чистую миску.

— Молодец, что зашла, — настороженно улыбнулась она. — Подсаживайся к Виктору, он тебя шампанским угостит!

— Галя, я без тебя не справлюсь! — просительно произнесла Соня, осторожно опускаясь на край тахты и принимая в руки стакан с вином. — Надо выйти на работу!

— Какая работа? Видишь — муж приехал!

— Я тебя не отпускала!

— Есть, милая, и повыше тебя начальники! — Галка по-прежнему стояла к гостье спиной. — Калина Васильевна подписала заявление на отгулы за ненормированный рабочий день в командировках!

— А меня об этом спросили?

— Брось, начальник, вместе гулять будем! — подал голос Виктор, опуская мощную ладонь на спину директора. — Работа не волк!

Соня рывком поднялась, хлопнула стаканом по столу перед Галкиным носом и, сдерживаясь, тихо спросила:

— На какой срок?

— Пока на две недели.

Через неделю с небольшим в Дом культуры утром заглянула Маргаритка. Поразив всех своим озабоченным личиком, она тихо прошептала:

— Тетя Соня, зайдите, пожалуйста, к нам.

В Галкином гнездышке было грязно, как в зверинце. На полу валялись рваные занавески, перевёрнутые стулья, битая посуда, остатки пищи. Сильно пахло помоями. Маргаритка принялась подбирать пустые бутылки и складывать их под кухонный стол. Сама хозяйка с синяками на лице сидела, скорчившись, на детском табурете, курила, отхаркивалась и сморкалась в еле запахнутый рваный халатик. Виктор лежал на прежнем месте, никак не реагируя на появление Сони.

— Хоть ты скажи этому борову, что я ни с кем тут не гуляла без него! — хрипло попросила Галка. — Допоздна с тобой работали.

— Не гуляла, — подтвердила Соня и вдруг сорвалась: — Как же ты терпишь такое, Галя? Что же это творится? Ребёнок с бутылками в грязи, сама в синяках! Зачем тебе такая жизнь? Я сейчас милицию вызову!

До двери она не дошла. Сильный толчок отбросил её назад, к Галке. Второй удар разметал женщину по обе стороны комнаты. Маргаритка забилась под стол и сидела там тихо, словно мышка.

— Дурак ты, дурак! Что же ты делаешь? — заплакала Галка, поднимаясь с пола и потирая ушибленные места. — За меня тебе, может, и ничего не будет, а вот за неё срок схлопочешь! В тюрьму захотел?

Виктор опять улёгся на тахту и на её угрозу никак не отреагировал. Галка помогла Соне подняться, уже спокойно сказала:

— Перепил, гад! Завтра успокоится, не на что будет квасить. Все деньги пропил, богодул чёртов!

— Кто-кто? — переспросила Соня.

— Не слышала, что ли? Здесь пьяниц так зовут. Извини, конечно, но ты сама виновата! Не надо было про милицию говорить.

На следующий день Галка вышла на работу. Ничуть не стесняясь синяков на опухшем лице, она во всеуслышание заявила, что Виктор уезжает, отпуск закончился.

Загруженность последних недель, постоянная нервотрёпка сделали своё дело: как снег на голову, вновь вернулась женская болезнь, донимавшая Сою на материке.

— Переутомление, перенапряжение, — определил врач причину недомогания. — Надо лечь в больницу, сами не справитесь!

— Ложись, Соня! — посоветовала ей подруга по телефону. — За сына не волнуйся, побудет пока со мной!

— Ну вот, теперь ты меня одну с этими шкурами оставляешь! — расстроилась Галка. — Это, наверное, оттого, что Виктор тебя сильно ударил? Ты ведь не будешь на него заявление писать?

— Конечно, нет!

Соня летала. Ночью, когда её никто не отвлекал, на какой-то нейтральной полосе между сном и бодрствованием она представляла себе, что поднимается над болотистой койкой и летит над облаками на запад — туда, где находилась её малая родина. Парить над родным городом она всегда начинала почему-то с привокзальной площади, потом перемещалась к перекрёстку и выбирала каждый раз новый маршрут для своих путешествий. Скоро она сильно уставала и засыпала, огорчённая тем, что никак не могла рассмотреть вблизи дома и улицы. Во сне Соня видела стройные берёзы, могучие сосны, ласковые озёра, чувствовала запах цветущей липы и плакала от счастья... А после пробуждения у неё появлялось чувство зыбкого присутствия в чужом мире.

Через месяц Сою выписали из больницы. Вечером того же дня, переделав накопившиеся без неё домашние дела, она уже в темноте добралась до знакомого барака, открыла дверь в неосвещённые сени.

— Кто там? Кто вошёл? — услышала Галкин голос. Следом раздался её шёпот. — Ну, хватит, хватит! Не нацеловался ещё?

— Это я — Соня. Что, Виктор приехал?

В сенях завозились, заспорили. Кто-то не хотел уходить. Потом мимо Сою промелькнуло совершенно незнакомое мужское лицо. Ослепив светом, открылась дверь в комнату.

— Не ждала тебя сегодня! — смущённо встретила её Галка. — Проходи, раз пришла.

— Я на минутку, узнать, как дела?

— Да завтра бы и узнала на работе!.. Не пропали без тебя! Приезжали из области с фронтальной проверкой, хвалили!

— Давно?

— Только сегодня уехали.

— Молодцы, не подвели! — засияла Соня и неожиданно для себя добавила: — А я думала, Виктор приехал.

Галка подошла к тахте, зачем-то поправила на ней накидку, резко развернулась к непрошеной гостье и хрипло закаркала, растопырив в стороны острые пёрышки пальцев:

— Осуждаешь?

— Что ты, Галя!

— Да у тебя всё на лице написано! Думаешь, легко одной с маленьким ребёнком? Некому ни воды натаскать, ни дров наколоть! Ты такая чистенькая, правильная — тебе не понять! А я жить хочу, жить, а не мучиться! — она вплотную придвинулась к Соне, с ненавистью сощурила глаза. — Не хуже тебя была когда-то! Муж на руках носил, дышать на меня боялся, плакал от любви! И никто никогда меня пальцем не тронул, не то чтобы избить, как собаку!

— Он здесь пить начал?

— Да он никогда спиртным не баловался!.. Ты, наверное, Виктора имеешь в виду? Так Виктор — мой второй муж! А ты не знала? — Галка сбавила тон, налила и придвинула к Соне полстакана водки. — Ладно, ты не

сердись! Давай выпьем, и божок по телу пробежит голыми пятками!

Опрокинув в рот оставшуюся в бутылке жидкость, Галка полезла под тахту, достала оттуда кожаный импортный чемодан, извлекла из-под тряпок толстый альбом с фотографиями, подозвала Сою к себе. На фотографиях, как в чужих окнах, застыла незнакомая красивая жизнь: молодой, навсегда влюблённый военный и совсем юная равнодушная девочка, похожая на Галку. Вот они в своей квартире, вот — в автомобиле, вот — в красивом городе.

— Я думала, он на мне женился, чтобы в Германии служить. Издевалась над ним по дурусти, как могла! Потом из Германии сбежала к матери, уже брюхатая Маргариткой. От матери — сюда, на Сахалин... Сiju в порту с узлами, годовалая Маргаритка на руках плачет, мокрая, жрать хочет. Вижу — мимо моряки идут, симпатичные такие ребята. Спрашивают: “Может, помочь надо?” “Надо!” — отвечаю. Они нас в гостиницу проводили, билет до Южно-Сахалинска на поезд купили... Потом один на ночь остался. Утром побежал — сдал билет! Неделю мы там прожили, пока их судно на ремонте стояло. За это время я через управление на работу сюда устроилась. Через полгода, когда из плавания пришёл, расписались.

— Поторопилась ты, Галка.

— Надеялась, легче будет. Только побоев я ему никогда не прощу! Потерплю ещё немножко ради его больших денежек и прогоню! Пусть катится к чёртовой матери!

— А если узнает, как ты тут живёшь?

— Откуда? Ты не скажешь! Для кого мне себя беречь? Для кого? — Галка усмехнулась. — Вот ты для кого целкой прикидываешься? Думаешь, кто-то поймёт и оценит? Не хочешь быть, как все? Вот и попала в больницу! Да тут с ума можно сойти, если отдушину не иметь!

На работе долго отсутствующего директора встретили доброжелательно и весело. Сотрудники наперебой рассказывали Соне об удачно проведённых мероприятиях, о хороших результатах проверки.

— Знаете, как за нас заведующая взялась? — доверительно докладывала пигалица. — Пообещала со всех головы снять, если хоть одно мероприятие без Сони Фёдоровны сорвётся!

— Каждый день контролировала!

— Вы должны гордиться нами, мы такую работу без вас сделали!

Обедать пошли все вместе в любимую Соней пельменную. Пельменная была местной достопримечательностью: само здание невелико, но большие, неизменно чистые окна светло и призывно глядели на грязную дорогу, чуть не натывавшуюся на них в своём стремительном беге туда-обратно. Внутри всё сияло чистотой, и на столиках в летнее время всегда стояли букетики полевых цветов. Запах от пельменной разносился по всему городку. Только новички на Сахалине не знали о её существовании и проезжали мимо. А для горожан она была ежедневным маленьким праздником. Рыбные пельмени с разными начинками, под разными соусами, пусть ненадолго, но дарили человеку чувство удовлетворения и согласия с окружающим миром.

“Не было бы счастья, да несчастье помогло!” — думала Соня, отвечая на приветливые улыбки сотрудников.

— Каждый день так жить — и до драки дело не дойдёт! — весело пошутила Галка.

Ноябрьские праздники подошли незаметно.

— Зайди-ка ты, Соня, в райком партии, там с тобой познакомиться хочят! — приказала Калина Васильевна по телефону. — Это тебе надо было сделать давно и по собственной инициативе!

Ковровая дорожка, шкафы с толстыми книгами и пузатыми папками, полированные письменные столы — всё строго, со вкусом. Круленький инструктор райкома блеснул стёклами таких же круглых очков, галантно помог Соне снять пальто.

— Вот вы какая, Соня Фёдоровна! — сказал он восхищённо. — Наконец-то мы с вами познакомимся! Я Игорь Сергеевич.

Женщина зарделась и, повинувшись приглашению, опустила на краешек

глубокого кресла. Инструктор перенёс свой стул, поставил его напротив, уселся, расставив ноги и сложив руки на груди. Возникла пауза.

— Вот! — поторопилась прервать неловкое молчание Соня и протянула Игорю Сергеевичу бумажную папку с бумагами. — Здесь отчёт о работе Дома культуры за полугодие и план подготовки к празднованию Октября. Все документы подписаны заведующей отделом культуры.

— Очень хорошо! А смету расходов вы подготовили?

— Да.

— Всё учли?

— Вроде бы всё.

— Что ж, посмотрим! — инструктор раскрыл папку, положил её на колени женщине. Соня застыла, боясь шелохнуться. Игорь Сергеевич просмотрел несколько страниц, сделал на них пометки чернильной авторучкой.

— Потянете такие расходы?

— Мы надеемся, что большую часть расходов возьмут на себя райком партии и горисполком.

— Правильно надеетесь! — инструктор игриво прищурился. — Мы с вами — одна команда, ведь так? Кстати, как вам работаете в команде Калины Васильевны?

— Я стараюсь. Без помощи Калины Васильевны мне было бы очень трудно.

— А каковы, на ваш взгляд, её профессиональные качества?

Соня удивлённо пожала плечами.

— Она опытный руководитель!

— Я слышал о ней нелестные отзывы работников.

— И обо мне, наверное, тоже?

— А вот о вас, как раз, всё наоборот!.. Так значит, работать с ней вам нравится?

— Да.

— Ну что ж, спасибо за визит. Папочку оставите нам?.. Не стесняйтесь, заходите чаще!

Инструктор поднялся со стула, опередил Соню у вешалки, помог ей одеться. Застёгивая на пуговицы её пальто, задержал руки на груди.

— Обидно, когда такая женщина проходит мимо!

Соня отшатнулась, направилась к выходу. Не стерпела, обернулась:

— Извините, я думала, в райкоме партии работают приличные люди!

— Что ты там натворила? — заголосила через час Калина Васильевна, внезапно появляясь в Доме культуры перед подчинённой. — Что наговорила?

— Что случилось? — удивилась Соня.

— Как это — что случилось? Тебе мало, что культура теперь сама будет искать деньги на наглядную агитацию?

— Почему? — растерялась директор, удивлённо оглядываясь на подчинённых.

Калина Васильевна взяла женщину за рукав и под удивлёнными взглядами сотрудников вытащила из кабинета в коридор.

— Это я хочу знать: как и почему!

— Игорь Сергеевич отказался утвердить смету?

— Мне позвонили из райкома партии, сказали, чтобы директор Дома культуры сама искала средства для оформления праздника! Что ты там такого наговорила?

— Я ничего плохого о вас не сказала!

— Так!.. Но что же всё-таки произошло?

Соня молчала, опустив голову.

Утром следующего дня в телефонной трубке раздался уже спокойный голос Калины Васильевны:

— Ты извини меня, девочка, за вчерашнее. Но теперь, как хочешь, договаривайся со своими художниками! У меня денег нет!

После этого звонка Соня три дня месила грязь, чтобы застать художников Дома культуры в мастерской, расположенной на окраине городка. Наконец, ей повезло: на месте оказались оба работника.

— Ребята, ну, что такое? Почему вас не застать?

— Мы работаем!

— Где?

— Что, отчитаться нужно? Как вам известно, Соня Фёдоровна, мы начинаемся отделу культуры, а не вам!

— Как мне известно, зарплату вы получаете от Дома культуры! Вас ещё не перевели работать в отдел?

— И что вы хотите этим сказать?.. Короче, говорите, с чем пришли, нам работать надо!

— Мальчики, я не ссориться с вами пришла! Надо к празднику на площади наглядную агитацию оформить. Вот здесь всё расписано! — Соня положила на стол лист бумаги.

— Платить райком будет? — спросил бородатый художник.

— Бесплатно. Зарплату получите.

— Да что вы, Соня Фёдоровна, в конце-то концов? С луны свалились? Чем мы детей кормить будем?

— Все заказы, которые мы выполняем, оплачиваются по тарифной сетке! Денег нет? Значит, делать не будем?

— Это ваши проблемы, что ваши сотрудники работают бесплатно!

— Ладно, небольшую часть работы мы выполним только потому, что вы человек новый и неопытный!.. Несите краску.

— И пусть Калина Васильевна вам голову не морочит!

В горисполкоме Соне показали смету, в которой отдельной строкой выделялись расходы на наглядную агитацию к празднику. Документ был подписан председателем.

— Девочка, зайди ко мне! — как-то уже зимой раздался по телефону ласковый голос Калины Васильевны. — У меня есть приятное известие для тебя.

Заведующая сидела в кабинете одна, просматривала деловые бумаги, которых всегда было очень много.

— Заходи, заходи, не стесняйся! Садись поближе... вот так! Не бойся, не укушу! Что уж, и поговорить нам с тобой не о чем?.. Ты же знаешь, я тебе всегда рада, независимо от того, занята бываю или свободна!

Калина Васильевна сняла очки и стала вертеть их в пухлых руках.

— Ну что, ребёнок, скоро прощаться с тобой будем? — заведующая помолчала, наблюдая за побелевшей, как полотно, Соней и грустно продолжила:

— Что ты так испугалась? Решается вопрос о переводе тебя методистом в областное управление культуры!.. Ты рада?.. Вот видишь, всё хорошо. Даже лучше, чем ты могла ожидать!.. Так что напрасно никогда ничего не бойся!.. Хорошо, что тебя заметили. Я тебя рекомендовала только с хорошей стороны!.. Там тебе с сыном выделяют общежитие, со временем получишь квартиру... Пока об этом никому говорить не надо!

Счастье переполняло Соню. Она летела к Дому культуры, не разбирая дороги.

— Что-то вы, Соня Фёдоровна, на глазах хорошеете? — многозначительно подмигивая, спросила Галка.

— Хочу кому-нибудь понравиться! — в тон ей ответила Соня.

— Ой, вам это не грозит! — откровенно резюмировала пигалица, — Вы ведь цените в себе, прежде всего, человека, а потом уже женщину! А надо наоборот!

Как-то вернувшись поздно вечером домой после очередного мероприятия, Соня обнаружила, что сын с виноватым видом сидит на постели и ждёт её.

— Что случилось? Почему не спишь?

— Мама, я все расскажу, только обещай, что не будешь меня ругать!

— Хорошо, не буду.

— Ты приглашала кого-нибудь сегодня в гости?

— Нет, у меня целый день был занят.

— Ну, может быть, не сегодня? — допытывался ребёнок.

— А что, кто-то заходил?

— Тёти Галин муж и его приятель. Они хотели тебя сватать.

— Сватать? — засмеялась Соня. — Их-то я точно не приглашала!

— Значит, ругать меня не будешь?.. Я их выгнал!

Женщина не поверила своим ушам и удивлённо посмотрела на своего воспитанного сына. Оказалось, два пьяных мужика с галереей бутылок влезли без разрешения к ним в квартиру, расположились на кухне, порылись в холодильнике и просидели, ожидая хозяйку, допоздна. За это время они так надоели ребёнку нецензурными выражениями и комментариями в адрес его матери, что сын открыл настежь входную дверь, указал на неё непрошеным гостям и твёрдо заявил: “Вам пора уходить!”

Соня от смеха повалилась на диван, привлекла к себе сына.

— Сын уже взрослый у меня! — сказала она серьёзно. — Я рада, что ты всё правильно понял!

— Ну и сыночек у тебя! — съехидничала на следующий день Галка под дружный хохот сотрудников.

— Умница, защитник, я его очень люблю! Зачем этот спектакль, Галя?

Февральская коллегия областного управления культуры, на которую вызывали всех по очереди директоров районных Домов культуры, была с обычной повесткой дня о работе, проведённой за год.

— Ничего страшного, не дрейфы! — напутствовала Калина Васильевна своего работника, провозжая до рейсового автобуса. — У тебя же всё в порядке? Все цифры, все мероприятия на месте?

Соня знала, что всё было в полном порядке. Отчёты, проверенные и одобренные инспекторами управления и заведующей, давно отправлены в область. Неприятностей можно не ждать.

Начальник областного управления, костлявый старик со сморщенным лицом и взглядом царя Кощея, был властен и хамлив. Соня слушала его выводы о работе других директоров и трепетала каждый раз, когда он повышал голос. Когда кто-то пытался что-то сказать в своё оправдание, начальник начинал злобно материться, и Соне хотелось провалиться сквозь землю. Потом оказалось, что ругается он не потому, что люди плохо работают, а по какой-то другой, известной ему одному причине. Наконец, лицо старика просветлело.

— Ладно, работайте, — сказал он неожиданно спокойно, — но смотрите у меня!

Заседание продолжили без перерыва. Начальник слушал Соню минуты две, ни разу не взглянув в её сторону.

— Это всё мы знаем! — перебил он. — Объясни-ка нам, что там у тебя с цифрами? Почему количество проведённых мероприятий не дотягивает до среднеобластного уровня?.. Приписками не занимаетесь? А что, кто-то здесь занимается?

То, что произошло дальше, Соня запомнила плохо. Ужас сковал её и, как пробка, сдерживал слёзы и крик. Полуторачасовую дорогу обратно на автобусе она тоже не помнила, в её оглушённом и растерзанном сознании пульсировала только одна фраза: “За что?” Оказавшись, наконец, в своей квартире, плашмя упала на диван, открыла широко рот и закричала, выталкивая из себя весь пережитый кошмар.

— Девочка, ты забыла закрыть дверь! — раздался через час голос Калины Васильевны.

Соня поднялась, вытерла слёзы и, не отвечая, отвернулась к окну.

— Ну, что же ты так переживаешь? — спросила начальница, появляясь в комнате и щёлкая выключателем. — Плачешь? Напрасно!.. Ты же слышала, он на всех кричит!.. Придумала бы что-нибудь... Соврала бы, что население в районе уменьшилось! Надо уметь выкручиваться... Знаешь поговорку? “Хожу, пока вру; ходим, пока врём; ходишь, пока врёшь”?

— Все отчёты были проверены, одобрены и подписаны вами! — сдерживаясь, чтобы не наругать, сказала Соня. — Почему вы меня не предупредили?

— Нечего переключать с больной головы на здоровую! — возмутилась заведующая. — Всё зависело только от тебя, и ты это знаешь!

— Но до коллегии мои цифры всех устраивали! Инспекторы знали, что никаких приписок не было, работа велась честно!

— Поэтому ты здесь и работаешь, что приписок нет! — грубо оборвала её Калина Васильевна, — и, помолчав, добавила: — Всех ругают! Надо учиться не принимать всё близко к сердцу!.. Успокойся, выговора не будет, я договорюсь.

Узнав о результатах коллегии, сотрудники объявили директору негласный бойкот. Показывая на Сою пальцами, они громко хихикали и вертели пальцем у виска, слонялись по Дому культуры без дела, отказывались работать.

— Что, нужна кому-то ваша честность? — издевалась пигалица.

Только Галка, подперев кулачком подбородок, грустно произнесла:

— А мне понравилось так работать. По крайней мере, совесть чиста и люди довольны!

Через месяц Калину Васильевну перевели работать в областное управление культуры. Сдавая дела новому начальнику, она объявила об этом Соне сама, вызвав к себе в кабинет для прощальной беседы.

— Девочка, ты меня слышишь?.. Не думай обо мне плохо, ты бы там не справилась! Хочу, чтобы мы не теряли с тобой дружбу! Умишка у тебя немножко есть, работай, как работала. Я буду тебе помогать. Обещаю!

— Ну, какую свинью вам подложила ваша подружка? — проникновенно спросила пигалица, когда ошарашенная Соня едва перешагнула порог методического кабинета. — Странно, только вы одна об этом ничего не знали, не догадывались!

— Ей нужнее, — объяснила Соня сыну, когда душа немного успокоилась. — Я ещё молодая, у нас с тобой всё впереди!

Соня не любила зиму. Бешеные сахалинские ветра продували её старое драповое пальтишко насквозь. Женщина мечтала о добротной тёплой одежде для себя и сына, но денег хватало только на еду, дешёвые тряпки и рыбные посылки родственникам. Поэтому наступившее лето, пусть даже холодное, было её любимым временем года.

В выходные дни возобновились её прогулки с сыном или с кем-нибудь из знакомых в пригородный парк, расположенный на одной из сопок. Дым, оседавший в долине, редко добирался туда, и необузданная сахалинская растительность бушевала на сопке во всей своей дикой красе и грациозной корявости! Причудливые формы деревьев, выдуваемые неистовыми ветрами, казались женщине знаками судьбы. А молодые, яркие пальчики хвойных пород тыкались во все стороны, указывая на огромные тарелки лопухов, на травы в человеческий рост, на поляны с солнечными лоскутками цветочков, пахнущих почему-то карамелью.

“И природа здесь такая же ненормальная, как и люди!” — думала Соня, любуясь парком.

— Знаешь, Галка, — сказала она как-то своей спутнице, — все люди похожи на какого-нибудь зверя или птицу.

— Интересно, на кого похожа я?

— Ты похожа на птицу галку.

— А ты, уж извини меня, Соня Фёдоровна, напоминаешь белую ворону!

Новый заведующий отделом культуры, толстый маленький человечек с курчавой головой, лисьими глазками и будто нарисованной улыбкой появлялся в Доме культуры почти каждый день. Усевшись напротив директора, часами наблюдал за ней.

— Что же вы так, глаз с меня не сводите? — не выдержала, наконец, Соня.

— Смотрю на вас уже который день, Соня Фёдоровна, и удивляюсь: до чего же напряжённая работа у директора! Боюсь, вы так долго не протянете!.. А давайте так: не я к вам, а вы ко мне ежедневно будете приходить с визитом, рассказывать о своих новых подвигах?

— Холуй! — выругалась Калина Васильевна, забежав домой к Соне по-

здно вечером после работы. — Ставленник райкома, давно меня подсиживал! Никакого представления не имеет о культуре!

Каждый день в кабинете нового начальника что-то менялось.

— Как вам новая занавеска? — или: — Как вам моя мебель? — артистично жеманился он, отсылая взмахом руки секретаршу из кабинета.

— И раньше было неплохо, — сдерживалась Соня. Неприязнь её к этому человеку была заметна.

— Я работник новый, а у вас, Соня Фёдоровна, опыт! — продолжал игру начальник. — Не согласились бы вы растолковать мне, что к чему?

“Что ему надо? — напрягалась Соня. — Убрать меня будет сложно, Калина Васильевна обещала помогать!”

С каждым днём заведующий наглед всё больше.

— Мне, конечно, приятно видеть вас всю, когда вы сидите далеко от меня! Но ещё приятнее будет, если сядете совсем близко! Предлагаю вам пересест!

Человечек сопел женщине в лицо, чего-то ждал от неё. Соня чувствовала, что терпение его лопается.

— Неужели жизнь вас ничему не научила, бесценная вы наша? — наконец спросил начальник, — И не жаль вам ваших сотрудников?.. Гибче надо быть, Соня Фёдоровна, гибче!.. Ну, кто вас будет проверять, если вместо одного мероприятия вы напишете десять, а вместо ста зрителей — тысячу? Кому это нужно?.. Сделайте так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты!.. Не за туманом же вы сюда ехали?

— *За туманом!* — наивно подтвердила Соня. — *И за запахом тайги!*

На следующий день наигранное добродушие совершенно исчезло с лица заведующего. Он высокомерно посмотрел на женщину и злобно произнёс:

— Вам нужна разрядка, дорогуша, заведите себе любовника!

— Я не так испорчена, как вам кажется! — рассмеялась Соня ему в лицо.

— Представляю себе эту картину! — веселилась Калина Васильевна вечером у себя дома за чашкой чая. — Думает, дурак, что тебя голыми руками взять можно! Если бы он знал, как ошибается!

Очередное чаепитие дома у Калины Васильевны было посвящено решению дальнейшей Сониной судьбы.

— Представляешь, этот поганец уже в управлении льёт на тебя грязь! Рассказывает всем про твой скверный характер и про то, что ты не можешь ни с кем сработаться! Хочет выжить! — бывшая заведующая негодовала, угощая Сою вкусным вареньем. — Но он ещё и всю культуру хочет развалить! Если так — пусть разваливает, но уже без тебя! Подумай о переезде, девочка.

— На родине меня никто не ждёт! — испугалась Соня. — И жить там негде!

— Я знаю!.. У бывшего мужа новая молодая жена, к матери тоже ехать не стоит: там делят квартиру, тебя с потрохами съедят!.. Я ничего не придумала?

Соня поперхнулась: таких подробностей о своей семье она никому не рассказывала. Галка знала только о муже.

— Я нашла тебе хорошее местечко на севере Сахалина, — продолжила Калина Васильевна, — будешь работать по специальности, отвечать только за свои дела! Не торопись с решением, хорошенько всё взвесь! Но здесь работать он тебе не даст!

С каждым днём Соня убеждалась в этом всё больше и больше. Плановые мероприятия срывались работниками с каким-то садистским удовольствием, никто из них уже не искал уважительных причин, не оправдывался перед директором. Автоклуб для поездок в район заведующий выделять перестал. Началась травля! Хуже всего было то, что Галка приняла сторону коллектива. Признаться самой себе в том, что она ещё раз оказалась слабее обстоятельств, Соне было трудно. Но другого выхода не было!

Последней каплей для неё стало известие об общем собрании работни-

ков культуры с повесткой дня “Нравственный климат в районном Доме культуры”. Поздним вечером накануне собрания, когда в Доме культуры никого из работников уже не было, к Соне ворвалась обеспокоенная Калина Васильевна.

— Соня! — закричала она с порога. — Что же ты, ребёнок, мне ничего не говоришь? — Калина Васильевна подмяла под себя кресло и, еле справившись с одышкой, повысила голос: — Никогда не молчи, если тебе плохо! Кричи на весь мир! Это лучше, чем хранить всё в себе! Иначе долго не протянешь! Ты поняла меня?.. Я только сегодня узнала об этом собрании! Тебе — что, расстрел нужен?.. Пришлось оббежать все учреждения культуры в городе, обзвонить людей в районе! Если только эти шкуры откроют против тебя рот, то главной шкуре не поздоровится!.. Тебя поддержат, если ты выступишь и расскажешь об истинном положении дел! Пусть всё будет сказано вслух!.. Сейчас же беги к Галке, — заторопила Калина Васильевна, — хоть один человек из Дома культуры должен подтвердить твои слова!

— Нет! — ответила Галка, выслушав опального директора. — Вы уж извините, Соня Фёдоровна, но я ничего подтверждать не буду! Не знаю, уедете вы или останетесь, а мне здесь жить и работать!

— Я согласна на поезд, — позвонила Соня Калине Васильевне, — ссориться ни с кем не буду, теперь мне это не нужно!

Провожали бывшего директора Дома культуры и её сына бывшая заведующая отделом культуры и Галка. Шофёр автоклуба молча, за деньги перенёс чемоданы и сумки отъезжающих в удобный вагон японского поезда.

— Я рада за тебя, девочка! Там — хороший коллектив. — Калина Васильевна обняла женщину, прижала к себе. — И перестань казнить себя! Не занимайся самоедством, пожалуйста! Ты сделала всё, что могла! Никто не сделал бы больше на твоём месте!

— Вам не будет за меня стыдно, обещаю! — Соня тряхнула руки провожающих, поднялась по ступенькам вагона.

— Улетаешь? — ласково кинула Галка. — Лети, лети, птичка! Может, на новом месте легче будет!

Японский вагон плавно пополз вперёд, оставляя в прошедшем времени потери и приобретения, недругов-друзей и друзей-недругов. И такой огромный кусок одной-единственной жизни с маленькими победами и большими поражениями!

Когда через много лет боль отступила, Соня спокойно вытащила из памяти помятую ленточку событий. Вспомнила, что Калину Васильевну впоследствии совсем замучила гипертония, она еле доработала до пенсии. Галка через полгода после отъезда Сони вынуждена была уволиться с работы и вернуться к матери в Казахстан. А жизнерадостного заведующего отделом культуры пригласили работать в область на какой-то руководящий пост.

Женщина подумала о том, что судьба оказалась к ней добра: не сделала героем и не размазала в такую естественную для России сущность, как “гнилая интеллигенция”. Оставила надежду когда-нибудь стать человеком.